

ЛЕВ СЛАВИН

ИЗБРАННОЕ

Рассказы и очерки

Лев Славин

Мадонна Придорожная

«Public Domain»

1945

Славин Л. И.

Мадонна Придорожная / Л. И. Славин — «Public Domain»,
1945 — (Рассказы и очерки)

© Славин Л. И., 1945

© Public Domain, 1945

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лев Славин

Мадонна придорожная

*...Мадонна и регулировщица
Стоят, друг другу не мешая...*

Евг. Долматовский

1

Милостью войны мы были заброшены в С, уездный польский городок.

Впрочем, по тем временам, когда Речь Посполитая простиралась не далее Вислы и столицей был

Люблин, маленький грязный С. возвысился в ранг крупного центра.

Низкое небо почти всегда серое и все в драных юрких тучах; меланхолический звон колоколов в костелах; дряхлые извозчики в долгополых камзолах с оловянными пуговицами, восседающие на высоких облучках со своими длинными цирковыми бичами и угреватými носами пропойц; дикие порывы ветра, прилетающего с мерзлых побережий Вислы, чтобы долго жалобно стонать в остовах разбомбленных домов; мелочные лавки под вывесками «Космос», «Новый Вавилон» и витрины, набитые московскими папиросами, засохшей немецкой ваксой и миниатюрными распятиями из пластмассы; полковые оркестры Войска Польского, раздирающие сумерки своими медными воплями; облупленные стены ратуши, не штукатуренные с 1939 года и заклеенные пыльными воззваниями Крайовой Рады Народовой о переделе помещичьей земли; булыжные мостовые все в соломе с крестьянских телег и в масляных пятнах от ЗИСов и «доджей», мчащихся на фронт; по воскресеньям традиционные «променады» модниц в туфлях на пробковых подошвах, в конусообразных либо грибовидных шляпках, и рядом местные фаты в охотничьих куртках, непомерно суженных в талии, с чаплинскими усами, тростями, двусмысленными улыбками в спину марширующих жолнеров дивизии имени Домбровского; Анна-Луиза Стронг, американская журналистка, шагающая сквозь этот польский медвежий угол, – седая, восторженная, все видевшая, – восклицая: «Польша – это как Испания в гражданскую войну: Люблин – Валенсия, Прага – Мадрид. Но здесь, ...» – и она, словно недоумевая, разводила руками, – таков С. зимой 1944 года.

Комендант определил нас – меня и майора Д. – на постой к пану Адаму Борковскому, местному колбасному королю. Дом его стоял на окраине. Глядя в окно, мы видели зады города, обширный луг, запорошенный непрочным польским снегом, деревеньку на косогорах, коз, пасущихся среди глинистых луж, череду телеграфных столбов, убегающих к фронту, к Висле.

У самых ворот дома сходились три дороги: на Люблин, на Брест и на Варшаву, тогда еще занятую немцами.

На развилке этого шумного скрещения высилось – ростом с гвардейского знаменосца – каменное изваяние Мадонны. Это была богиня дорог – Madonna Viatoria, покровительница путников, всемилостивейшая мать перекрестков. Неведомый скульптор сложил ее грубые ноздреватые черты в томную, немного скорбную улыбку. Здесь не совершалось пышных литургий, кардинал-епископ не почтил Мадонну своим высоким посещением. Это было уличное божество, излюбленное бродячими торговцами, водовозами, холодными сапожниками, трубочистами, карманными ворами, предпочитавшими у ног этой плебейской богоматери замаливать свои ежедневные заблуждения.

Благостно склонив голову, увенчанную митрой и слегка выщербленную осколками стокилограммовой фугаски, простонародная богиня с приязнью взирала на маленьких школьни-

ков, наскоро по дороге в гимназию возносивших моления о ниспослании им достойных баллов по каллиграфии и арифметике; на батраков, волочивших на двор к пану Борковскому из Пшесмышков, из самой Вульки-Вишнювской раскормленных боровов; на недоучившихся студентов-теологов, спешивших в Люблин на вновь открытый богословский факультет в своих коричневых сутанах, забрызганных дорожной грязью, и белоснежных жабо, накрахмаленных до стекловидности; на щеголеватых паненок, совершавших коммерческие паломничества из Праги Варшавской в С. для обмена мануфактуры на продукты и возлагавших к подножию пресвятой девы красиво сплетенные венки из подорожника.

Все эти путники совали злотые люблинского демократического правительства в объемистую кружку, прикрепленную к каменному плащу Мадонны. Каждый вечер кружку опорожнял причетник капеллы князей Чарторыжских, филиалом которой было это божество дорог. У ног ее вечно теплилась неугасимая лампада. С наступлением темноты милициант, сняв конфедератку и осеняя себя крестным знамением, накрывал лампаду синим колпаком, согласно правилам о затемнении.

Возле Мадонны был пост военно-автомобильной дороги. Здесь, ловко распоряжаясь густым, путаным движением, стояли регулировщицы славной 15-й ВАД¹, чаще всего – ефрейтор Татьяна Сапожкова, рослая московская девушка с торчащими и красными, как спелые яблоки, щеками. На мощной груди ефрейтора сверкали севастопольская и сталинградская медали и метростроевский значок. Из-под пилотки пышно выбивались огненные кудри. Иногда ночью, когда иссякал ее электрический фонарик, ефрейтор склонялась к подножию Мадонны и в свете неугасимой лампы проверяла путевые листы фронтовых шоферов, запятнанные автолом и кровью.

Так они стояли рядом, эти две повелительницы дорог: одна – в широкой каменной мантии, другая – в брезентовой армейской накидке. Однажды я обратил внимание майора Д. на это забавное сходство, и оно дало ему повод написать одно из изящнейших своих стихотворений.

Двухэтажный дом пана Адама Борковского был заселен разросшейся его семьей. Гордые своим богатством, Борковские причисляли себя к высшей «магнатерии» города. Пан Адам, гений рода, был низенький плотный господин с черными клочками бровей и усов на круглом, вечно улыбающемся лице. Улыбка – из рода японских: напряженная спазма вежливости, создающая выражение благодушия, за которым, как мы думали, скрывались расчетливость, сентиментальность, вероломство. Догадки наши отчасти подтверждались слухами о происхождении богатства пана Борковского. Дом его до немецкой оккупации населяли евреи.

В дверных рамах еще зияли дырки от вырванных «мезуз» – миниатюрных свитков с молитвой, играющих у евреев роль священных и даже магических образков, чье назначение – не допускать в дом злых духов.

Теперь всюду были развешаны и расставлены маленькие яшмовые распятия, скульптурные или гравированные изображения остробрамской и ченстоховской богоматерей, весь малый реквизит польского католицизма. В остальном обстановка дома, с ее плюшевыми скатертями, пухлыми банкетками, множеством вязаных салфеточек и литографированными видами генуэзского кладбища, сохраняла стойкий мещанский характер, неизменный под всеми широтами.

Благосостояние колбасного короля значительно возросло, как это ни странно, в годы войны – за счет тех сбережений, которые доверяли ему евреи, угоняемые в гетто. Немногие из этих несчастных уцелели, спасшись бегством или вызволенные быстротой, с какой наши танкисты врывались в немецкие пределы. Эти чудесно спасенные люди приходили к пану Адаму Борковскому за своими деньгами.

Сквозь тонкий простенок, отделявший нас от хозяйских апартаментов, мы слышали яростные разговоры. Ругательства мешались с мольбами. Потом из окна мы видели плачущих

¹ ВАД – военно-автомобильная дорога.

людей, которые медленно удалялись, осыпая наш дом библейскими проклятиями. Пан Адам стоял в воротах, отшучиваясь.

2

Супруги Борковские равномерно поделили между собой торговлю и промышленность. В то время как пан Адам до глубокой ночи возился на своей фабричке, скользя среди предсмертных поросячьих визгов, пани Геновефа, засучив рукава на полных мускулистых руках и пылая румянцем азарта, торговала в собственном магазине фирмы, помещавшемся в центре города, неподалеку от памятника маршалу Пилсудскому, увенчанному парящим бетонным орлом.

Старшая дочь, пани Ирэна, когда-то училась в университете и даже была не чужда литературным интересам. По крайней мере, целую зиму она усиленно посещала одно варшавское кафе, где собирались известные писатели и журналисты. Избрав удачно расположенный столик, здесь можно было довольно явственно разглядеть черты лица поэта Т., а напрягши слух, услышать один из сногшибательных парадоксов фельетониста С. Перекроив с помощью столичных парикмахеров свое худосочное веснушчатое существо наподобие стандартной американской кинозвезды и выйдя замуж, пани Ирэна успокоилась. Сейчас она проводила дни, лежа на диване и штудирюя хронику светской жизни в довоенных иллюстрированных журналах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.